

ЕКАТЕРИНБУРГ. Помни о жизни

Хорош Екатеринбургский ТЮЗ. Красив, удобен, благополучен, придирчив в составлении репертуара. У него хорошая репутация, если дозволено применить это определение к театру. С недавнего времени его художественно возглавил **Григорий Лифанов** — тоже обладатель превосходной репутации. Не хуже репутация у **Анатолия Праудина**. И в театре и в городе он не чужой. То есть очень даже родной и близкий. Отчего же ему было не поставить на знакомой сцене «**Вишневый сад**», если время пришло?

Конечно, всегда по-разному звучат спектакли по пьесам Чехова. Бывает, получается задушевный разговор друзей. Бывает и балаган, и скверная провокация. Спектакль Праудина не задушевная беседа, не спор и не диспут. Не балаган и не провокация. Взвешенный, умный монолог мастера. Честно говоря, не сложилось впе-

чатления, что режиссер долго шел к Чехову. Что тронула его сердечные и душевные струны эта пьеса. Однако, халтурить Праудин просто не умеет, как я могу судить по другим его работам и по этой тоже. Талант и мастерство подарили нам еще одно воплощение этой комедии. Комедии? Тоже всегдашний вопрос. Лукавство ироничнейшего из писателей? Или отвращение к прямому и примитивному жанру того времени? Над чем можно посмеяться, кроме линии Епиходова, сломанному на бильярде кию? Нет, не комедия перед нами. Скорее, лабиринт, имеющий, впрочем, множество выходов. На кладбище, например. На крыше легкого, воздушного, белого павильона в форме стола, построенного на сцене, расположилось кладбище. Верхний мир, нижний мир, «memento mori», ну и судьба вишневого сада. Используется это пространство вполне бытово,

Сцена из спектакля

Раневская — С. Замараева

Сцена из спектакля

Фирс — В. Кабалин

как нормальная среда обитания. Кладбище есть, а сада нет. Или это уже и есть сад? И там тоже можно жить? Присесть на могилку, поговорить, и солнце здесь светит. Прекрасный свет сотворили **Евгений Захаров**, **Екатерина Коренькова** и **Алексей Тарасов**. Честно говоря, в спектакле все прекрасно: оформление **Анатолия Шубина**, костюмы **Ольги Гусак**, пластика **Вячеслава Белоусова**, изумительный еврейский оркестр в составе **Евгения Кузнецова** (скрипка), **Юрия Нечаева** (кларнет) и **Святослава Коротовских** (контрабас). Нечасто, кстати, появляется этот оркестр. В тексте неоднократно, а по факту — очень редко почему-то. Артисты, ошутимо любящие Чехова и доверяющие режиссеру, существуют в своих рисунках легко и естественно как дышат. Но и сделаны их образы замечательно. Например привычная капризница Дуняша (**Александра Протасова**) — изумительно хорошенькая, как куколка фарфоровая. Уж такая хрупкая, уж такая барышня, что и впрямь разбиться может вместо чашки, как рюмочка хрустальная.

А лучшая в мире нянька — Фирс (**Владимир Кабалин**) — вяжет. Наверняка что-нибудь теплое и уютное для Леонида Андреевича.

А комический персонаж Симеонов-Пищик (**Илья Скворцов**) вдруг взглянет такими трагическими бездонно-черными глазами, что никакого комизма, а трагедия в чистом виде. Античная.

Пышная Шарлотта Ивановна (**Елена Стражникова**) не скроет от нас, что втихомолку «заедает» свою обидную жизнь мучным и сладким.

Любовь Андреевна (**Светлана Замараева**), как будто в ней проснулась обычно спящая Аркадина, все играет, все примеряет разные настроения. Но в итоге меняет только платья. И сына не вернуть и сад ей не нужен. И любовь парижская — химера и родина уже не родина. И какой же выход из ее личного лабиринта? Поднимаешь глаза к небу, а там — кладбище.

Вот такая комедия.

Анастасия ЕФРЕМОВА

Фото предоставлены театром